
ЛИРА ВЕТРОВА
ИЗМЕНА.
Я ПОДАРИЛ ТЕБЕ
СВОЮ ЖЕНУ

Лира Ветрова

Измена. Я подарил тебе свою жену

«Автор»
2026

Ветрова Л.

Измена. Я подарил тебе свою жену / Л. Ветрова — «Автор», 2026

— Я попросил тебя увести мою жену, а ты влюбился? — смеется муж. Я замираю за углом, сжимая ручку чемодана.Я приехала к Тагиру, чтобы остаться. После измены мужа поверила, что меня еще могут любить. А оказалось, муж сам подговорил его за мной ухаживать. Рассказал, что я люблю и чего мне не хватает. Хотел, чтобы я ушла и освободила место для любовницы.Теперь Тагир клянется, что любит меня. А я вспоминаю, как плакала у него на плече и благодарила за то, что он есть. Он ведь уже тогда все знал.

© Ветрова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Лира Ветрова
Измена. Я подарил тебе свою жену

Измена. Я подарил тебе свою жену

— Я попросил тебя увести мою жену, а ты влюбился? — смеется муж. Я замираю за углом, сжимая ручку чемодана.

Я приехала к Тагиру, чтобы остаться. После измены мужа поверила, что меня еще могут любить. А оказалось, муж сам подговорил его за мной ухаживать. Рассказал, что я люблю и чего мне не хватает. Хотел, чтобы я ушла и освободила место для любовницы.

Теперь Тагир клянется, что любит меня. А я вспоминаю, как плакала у него на плече и благодарила за то, что он есть. Он ведь уже тогда все знал.

Глава 1

— Ты правда собираешься всю жизнь выпрашивать у меня любовь? — спрашивает Денис, когда я тянусь его поцеловать. Он снимает мою руку со своей шеи, а я еще улыбаюсь. Не успеваю перестать. Стою перед мужем в новом красном платье и смотрю, как он отодвигается к краю кровати, освобождая себе место.

У меня не получается ответить. Я поправляю бретельку, хотя с ней все в порядке, провожу ладонью по бедру. В магазине я долго крутилась перед зеркалом, выбирала между этим платьем и другим, закрытым. Взяла красное, потому что Денис раньше любил, когда я приходила к нему вот такая. Он мог забыть, о чем рассказывал, и потянуть меня к себе за пояс халата. Сегодня я даже убрала волосы, чтобы ему легче было целовать шею.

— Я соскучилась по тебе, — произношу я и слышу, как жалко это звучит после его вопроса. Подхожу ближе, хотя уже надо бы отойти. — Мы живем вместе, Денис. Мне нельзя соскучиться по собственному мужу?

— Кира, я устал, — отвечает он. Телефон в его руке светится, Денис прижимает его к бедру. — У нас каждый вечер одно и то же. Обними, поцелуй, поговори. Мне иногда хочется, чтобы от меня ничего не требовали.

Я сажусь на кровать. Он воспринимает это как согласие и возвращается к переписке. Я вижу его улыбку, которая ко мне не относится, слышу, как щелкает по дисплею ноготь. Хочу заглянуть, понять, что ему пишут. Вместо этого отодвигаю колени, чтобы случайно его не коснуться.

— Ты меня больше не хочешь? — спрашиваю я. Денис закрывает глаза, и мне становится стыдно за вопрос, прежде чем он отвечает. — Скажи хоть что-нибудь. Я ведь не из вредности к тебе лезу!

Он произносит мое имя с такой усталостью, что я встаю. Шарю на спинке кресла в поисках халата, никак не попадаю в рукав. Мне тридцать четыре, а я прячусь от мужа, как девчонка, над которой посмеялись при всех. Денис наблюдает за мной и молчит. Я успеваю представить, что он сейчас поднимется, обнимет со спины, уткнется носом мне в волосы. Медлю, завязывая пояс, и становится еще обиднее. Я знаю, что он останется сидеть, и все равно жду.

— Тогда спи в гостиной, — говорю я, наконец завязав пояс. Забираю с кровати его подушку и протягиваю, а Денис смотрит на меня с облегчением. Вот оно и добивает. — Там тебя никто не попросит поцеловать. Совсем никто.

Он берет подушку. Я жду, что муж хотя бы назовет это глупостью, откажется участвовать в моей истерике, начнет спорить. Он желает мне спокойной ночи и выходит. Я догоняю его в коридоре, сама не понимая зачем. Уже набрала воздуха, чтобы позвать, а Денис кладет подушку на диван и улыбается телефону. Я возвращаюсь в спальню, пока он не увидел, что я за ним пошла. Платье приходится расстегивать самой, замок заедает, и я дергаю его так, что больно цепляет кожу. Слезы текут по подбородку, пока я стою в одном белье и пытаюсь вытряхнуть ногу из ткани.

Утром я почти готова извиниться. За подушку, за резкость, за то, что выбрала плохой момент. Денис жарит яйца, видит меня и начинает говорить о заказе, который нашел для моей фотостудии. Так уверенно, будто я уже простила вчерашнее. Лишь после этого я замечаю, что он приготовил чашку только себе.

— Помнишь Тагира? Он лестницы делает, вы у ребят за городом познакомились. Ему нужны фотографии, я дал твой номер, — объясняет Денис. Он перекладывает мне еду и вытирает край тарелки салфеткой. — Поездишь, пообщаешься. Тебе надо сменить обстановку.

Я помню Тагира Султанова. Высокий кавказец, черноволосый, с короткой густой бородой и татуировкой на руке. Он чинил скамью во дворе, я держала фонарь и умудрилась попасть

лучом ему в глаза. Тагир выругался, я огрызнулась, что нанималась светить, а не читать мысли. Он усмехнулся и велел подойти ближе, раз я не вижу, куда светить. Я встала рядом, задела его плечом и до конца вечера помнила это случайное прикосновение. Хотелось еще раз рассмешить его, задержаться, пока остальные звали к столу. На обратной дороге я зачем-то рассказала Денису, какой у него самоуверенный приятель.

— Ты решил, что мне нечем заняться? — спрашиваю я, оставляя вилку на столе. Улыбка мужа становится терпеливой, знакомой до тошноты. — Я просила тебя обнять меня, Денис. С работой я справляюсь.

— Я стараюсь помочь, а ты опять ищешь повод обидеться, — отвечает он. Забирает чашку и поворачивается ко мне спиной, хотя я еще не закончила. — Тагир нормальный мужик. Съезди, посмотри заказ. Тебе самой понравится.

Я оставляю завтрак и ухожу одеваться. В спальне на полу лежит платье. Хочется поднять его, повесить, чтобы Денис не увидел, какой жалкой я была ночью. Я нарочно перешагиваю через красную ткань и выхожу из квартиры. В лифте все-таки проверяю телефон. Муж ничего не написал. Я убираю его в карман и обещаю себе, что сегодня первая к нему не позвоню.

Тагир звонит, когда я добираюсь до студии. Мы договариваемся о съемке, и перед прощанием он спрашивает, помню ли я его. Я вспоминаю фонарь, в трубке раздается тот самый смех. Я тоже улыбаюсь. Закончив звонок, еще стою с телефоном у щеки.

В мастерской Тагир встречает меня у входа. Вытирает ладони о джинсы и забирает чехол со штативом. Я говорю, что сама справлюсь, а он останавливается, прищурившись. Меня опять напрягает, как уверенно он со мной держится. Я приехала снимать, вполне могла бы поздороваться и пройти, но зачем-то объясняю, что годами ношу свою технику. Тагир выслушивает, возвращает чехол и отступает, пропуская меня.

— И все это время на помощь так ругаешься? — спрашивает он. Я хочу огрызнуться, а он склоняется ко мне, уже без улыбки. — Здравствуй, Кира. Рад тебя видеть.

Я теряюсь на приветствии. Вспоминаю, как ночью просила мужа хоть что-нибудь мне сказать, и отворачиваюсь, чтобы Тагир не разглядывал мое лицо. Он успевает коснуться моей спины, показывая, куда пройти. Ладонь задерживается на секунду, я чувствую ее даже сквозь куртку. Делаю вид, что ищу место для чехла, хотя с порога увидела свободный стол.

Съемка занимает часть дня. Тагир то помогает, то мешает советами. Я обещаю выгнать его, если не замолчит, он смеется и все-таки отходит. Я тоже смеюсь, хотя с другими заказчиками обычно держусь сдержаннее. Снимаю его вместе с работой и уже не сержусь, когда он поворачивается ко мне. На последнем кадре Тагир смотрит мимо камеры, мне в лицо. Я опускаю руки, на секунду забыв, что собиралась ему сказать, а этот снимок проверяю дольше остальных.

— Ты со всеми заказчиками так обращаешься? — спрашивает Тагир, когда я наконец отпускаю его. Он приносит чай и остается стоять рядом, хотя стул свободен. — Или мне за тот фонарь достается?

— Только с теми, кто лезет с советами, — отвечаю я. Беру стакан и узнаю чабрец еще до первого глотка. — Откуда ты знаешь, что я люблю травяной чай?

Он говорит, что Денис подсказал. Я опускаю голову, чтобы Тагир не увидел, как глупо я обрадовалась. Значит, муж помнит. Рассказывает обо мне, старается сделать приятное, даже когда у нас плохо. Я пью обжигающий чай, готовая забыть мужу все обиды. Хочется позвонить Денису и сказать спасибо. Еще хочется, чтобы он хоть раз посмотрел на меня так, как Тагир сейчас.

Да. я узнаю этот взгляд. Денис, к сожалению, уже давно не смотрит так на меня.

— Что? — спрашиваю я, не выдержав. Тагир задерживается с ответом, и я начинаю сердиться. Кожа под глазами наверняка красная после бессонной ночи. — У меня тушь потекла?

— Нет, — отвечает он, убирая свой нетронутый стакан. — Ты только что смеялась. А сейчас едва не плачешь. Я что-то не то сказал?

Я качаю головой и делаю еще глоток, чтобы не отвечать. От его внимания хочется разрыдаться, а я бы предпочла, чтобы он видел меня другой. Ставлю стакан и берусь собирать технику. Чехол выскальзывает, я ругаюсь вполголоса, Тагир поднимает его и ждет, пока я уберу камеру. Помочь пытается молча, не объясняя, как мне было бы легче.

Телефон оживает уже у машины. Денис спрашивает, закончила ли я, и я сообщаю, что еду домой. Ответ приходит, когда я пытаюсь пристугнуться. «Не торопись. Поужинай с Тагиром, я сегодня занят». Я перечитываю сообщение и набираю мужа. Через стекло вижу, что Тагир еще не ушел в мастерскую, стоит на ступеньках и смотрит в мою сторону.

— Ты меня к нему отправляешь? — спрашиваю я, когда Денис отвечает. Пытаюсь рассмеяться, но голос срывается, и муж раздраженно вздыхает. — Мы с тобой толком не разговариваем. А ты предлагаешь провести вечер с другим мужчиной?

— Кира, что за драма? Это всего лишь прием пищи, — говорит он. Там кто-то зовет его, Денис прикрывает микрофон, и я слышу лишь обрывок ответа. Когда возвращается ко мне, голос опять усталый. — Сходи. Мне будет спокойнее, если ты побудешь с ним.

Он заканчивает разговор, а я остаюсь с телефоном у уха. Я могла бы выйти из машины. Тагир все еще ждет, и стоит мне помахать, он подойдет. Я убираю ключ из замка зажигания, сижу, глядя на него, и злюсь на собственную радость. Муж разрешил мне задержаться с мужчиной, который мне нравится. Хуже всего, что я позвонила ему в надежде услышать запрет.

Глава 2

Я все-таки еду домой. Тагир успевает спуститься к машине, и я опускаю стекло, чтобы попрощаться. Он предлагает где-нибудь поесть. У меня дергаются губы, я почти спрашиваю, успел ли Денис и меню ему прислать. Останавливаюсь, испугавшись собственной злости. Тагир не обязан знать, как мы с мужем разговариваем. Отказываюсь, он кивает и отходит, а я еще долго вижу его в зеркале, пока выезжаю со двора.

Денис возвращается поздно. Я лежу в спальне одетая, с ноутбуком на коленях, и по звукам угадываю, как он разувается, пьет воду, заглядывает в гостиную. Жду, что ко мне тоже зайдет. Он появляется, когда я уже опускаю крышку ноутбука. Спрашивает, хорошо ли прошла съемка, замечает фотографию Тагира и протягивает руку. Я отдаю компьютер с неприятным чувством, словно меня поймали за чем-то постыдным.

— Ничего себе, ты его красавцем сделала, — говорит Денис. Увеличивает снимок, и я вдруг хочу вырвать ноутбук. — Хотя он всегда бабам нравился. Поужинали?

— Я домой приехала, — отвечаю я. Муж возвращает компьютер и пожимает плечами, а я ставлю его на пол, чтобы Денис не ушел, пока я буду возиться. — Ты бы обрадовался, если бы мы поужинали?

— А что в этом такого? — спрашивает он. Смотрит на меня с недоумением, которое заставляет сомневаться в собственных словах. — Ты взрослый человек. Мне тебя к каждому столбу ревновать?

Я вспоминаю, как он поссорился со мной из-за мужчины, помогавшего донести покупки. Денис назвал его настырным, я назвала мужа ревнивым дураком, а дома он целовал меня, пока я пыталась ругаться. Мне хочется напомнить, какими мы были. Но он стоит, переминаясь с ноги на ногу, ждет окончания беседы. Я подбираю другой вопрос, легче прежнего.

— Давай сходим к реке? — предлагаю я. Муж смотрит на часы, и я тороплюсь объяснить. — Не сейчас. Когда сможешь. Я соскучилась, мы ведь любили там гулять.

— Посмотрим, — отвечает Денис и трогает меня за плечо, прежде чем выйти. Я успеваю накрыть его руку своей, но он уже отнимает ее. — Только не надо планировать за меня. Я еще не знаю, когда освобожусь.

Я держу ладонь на собственном плече. Несколько секунд не убираю, будто так можно задержать его прикосновение. По экрану ноутбука ползет заставка, Тагир на фотографии исчез. Я снова открываю снимок, приближаю лицо, останавливаюсь. Вот до чего дошло. Я собираюсь разглядывать другого мужчину, пока мой муж абсолютно мной не интересуется. Закрываю компьютер и все равно помню, как Тагир стоял на ступеньках, пока я заводила машину.

На следующую съемку мы едем вместе. Я оставляю машину у мастерской, Тагир везет меня в пустой дом заказчика и всю дорогу пытается разговорить. Я отвечаю невпопад, ругаю пробки и злюсь, что он такой веселый. У него хорошее утро. Тагир замолкает после очередного моего ответа, а я чувствую себя последней дрянью и все-таки не извиняюсь.

В доме он берется указывать, откуда лучше снимать. Я выслушиваю первое замечание, второе, а на третьем опускаю камеру. Тагир еще что-то объясняет, пока не замечает, что я складываю технику. Я веду себя нелепо и знаю это. Но утром Денис опять назвал меня сложной, а теперь еще один мужчина уверен, что лучше понимает, что мне делать.

— Если уже решил, зачем я здесь? — спрашиваю я. Молния чехла цепляет подкладку, и я дергаю сильнее, чем нужно. — Нажимать туда, куда покажешь? Найди кого-нибудь посговорчивее.

— Ты чего? — Тагир отодвигает ногой брошенную упаковку, чтобы подойти. Я отстраняю камеру, не позволяя ее взять, и он убирает руки. — Я сказал, что хочу увидеть на снимке. Можно было ответить, что так не получится.

Я молчу. Он прав, и от этого еще обиднее. Мне хочется, чтобы хоть кто-нибудь сегодня оказался виноватым, чтобы можно было накричать и не стыдиться. Тагир спрашивает, что случилось, я обещаю продолжить и делаю вид, что ищу что-то в чехле. Он терпит, пока я переставляю одни и те же вещи, а я ненавижу его за это терпение. Если бы раздражался, было бы легче.

— Я из дома такая приехала, — признаюсь наконец. Поднимаю камеру и обнаруживаю, что забыла снять крышку с объектива. — Это не из-за тебя. Хотя ты тоже мог бы помолчать.

— Мог бы, — соглашается Тагир. Он произносит это без обиды, и я впервые смотрю ему в лицо. — Мне только надо время от времени напоминать. Мать до сих пор справляется, а с тобой вижу, сложнее…

Я фыркаю и прикрываю лицо камерой. Тагир не пытается вытянуть продолжение про дом. После съемки я соглашаюсь поесть перед возвращением. В кафе он отодвигает для меня стул и помогает снять куртку. Я оборачиваюсь поблагодарить, он наклоняется ко мне, и мы на секунду замолкаем. Сажусь, расправляю плечи, смотрю, как Тагир устраивается напротив. Улыбается мне и спрашивает, перестала ли я сердиться. Я отвечаю, что пока не решила, хотя уже боюсь улыбнуться слишком широко.

— Ты ведь хотела уйти, — говорит Тагир. Он оставляет меню, и я понимаю, что речь про дом, где мы снимали. — Пришлось бы догонять. Я бы не дал тебе уехать в таком состоянии.

— Заказ жалко было? — спрашиваю я. Сама слышу заигрывание и торопливо поправляю салфетку. — Ты за результат платишь. Имеешь право требовать.

— Денис предупредил, что тебе нельзя навязывать помощь, — отвечает Тагир. Улыбка у меня пропадает, и он замечает это. — Вот я и пытался понять, как подойти, чтобы ты совсем не вышла из себя.

Муж отлично знает, как со мной разговаривать. Значит, все эти обидные фразы произносит вовсе не по неумению. Я отодвигаю тарелку, хотя только что хотела есть. Тагир хмурится, хочет что-то сказать, но я прошу дать мне минуту. Сама не понимаю, обидно мне, что Денис рассказывал обо мне, или что так хорошо меня знает и все равно предпочитает делать больно.

— Что еще он рассказал? — спрашиваю я, когда могу говорить без дрожи. Тагир смотрит мне в лицо, а я заставляю себя выдержать это. — Что я вечно чем-то недовольна? Что из-за меня дома нельзя отдохнуть?

— Что ты все тащишь на себе и никого не подпускаешь, — отвечает он. Медлит, прежде чем продолжить. — Про вечное недовольство я не слушал бы. Я сам тебя вижу.

Мне ужасно хочется спросить, какой он меня видит. Услышать, что со мной приятно сидеть, что я нравлюсь ему, даже когда спорю. Вопрос кажется жалким, я принимаюсь есть, а Тагир вспоминает, как я командовала с фонарем. Я смеюсь вместе с ним, громче, чем надо. Перестать не получается, потому что он тоже улыбается и не отводит глаз.

Из кафе мы выбегаем под дождь. На мокрой плитке нога съезжает в сторону, и я налетаю на Тагира, едва не сбивая его. Он обхватывает меня за талию и притягивает к себе. Я упираюсь ему в грудь, слышу, как он выдохнул, поднимаю голову. Мы настолько близко, что его борода задевает мне щеку. Я думаю о поцелуе раньше, чем проверяю ушибленную щиколотку. Мои ладони лежат на его мокрой футболке, пальцы сминают ткань. Я уже могу отойти, но вместо этого подаюсь к нему, и Тагир прижимает меня крепче.

— Еще чуть-чуть, Кира, и я тебя поцелую, — негромко произносит Тагир. Он наклоняется, я перестаю замечать дождь и смотрю на его рот. Мне надо сказать, чтобы он отпустил. Я знаю, что надо, но пальцы сжимают его футболку еще сильнее. Тагир чувствует это, проводит ладонью по моей спине, а я тянусь выше.

На моей руке блестит кольцо. Я вижу его на черной ткани, отнимаю ладони и делаю шаг назад. Дождь бьет в лицо. Тагир поднимает чехол, который уронил, когда ловил меня, и идет

к машине. Я следую за ним, стараясь не хромать. Всю дорогу к мастерской мы молчим, хотя до этого говорили без остановки. Когда он тормозит, мне хочется попросить его ехать дальше.

Денис звонит, едва я пересаживаюсь в свою машину. Я смотрю на его имя и пугаюсь так, будто муж стоял рядом под дождем. Он спрашивает, как прошел день. Я отвечаю, что закончили, слышу свой виноватый голос и сержусь. Денис интересуется, поели ли мы, и в его тоне появляется забота, которой мне так не хватало. Я цепляюсь за нее, начинаю рассказывать про дождь. Муж перебивает.

— С Тагиром тебе хорошо? — спрашивает он. Я перестаю искать ключи и смотрю сквозь стекло на Тагира, который еще стоит у своей машины. — Ну, я же говорил, с ним легко. Не сидишь хоть одна и не накручиваешь себя.

— Я едва его не поцеловала! — вырывается у меня. Я зажимаю рот, Тагир замечает мое движение, но я отворачиваюсь. В трубке становится тихо, и я уже ненавижу себя за попытку сделать мужу больно. Жду, что Денис разозлится, спросит, где я.

— Кир, перестань себя пугать, — говорит он, негромко посмеиваясь. Я отнимаю телефон, проверяю имя, хотя прекрасно знаю, с кем разговариваю. — Ну, понравился тебе мужчина. Ты же никого не убила. Не надо все превращать в катастрофу.

Я нажимаю отбой, пока он еще говорит, и следом набираю номер Риты. Она спрашивает, что стряслось, а я прошу разрешения приехать. Не знаю, как объяснить, почему плачу из-за того, что муж меня не ревнует. Тагир подходит к машине, я прячу телефон и качаю головой, не опуская стекло. Мне страшно, что я выйду к нему и сама потянусь целоваться, лишь бы сделать мужу больно. Рита остается на связи, пока я пытаюсь вытереть лицо. Я прошу ее говорить хоть о чем-нибудь, лишь бы сегодня больше не звонить мужу.

Глава 3

— Ты ему призналась, а он засмеялся? — переспрашивает Рита. Я стою посреди ее кухни, все еще в куртке, и пытаюсь вытереть нос обратной стороной ладони. Подруга отодвигает стул, чтобы я села. — Кир, зачем ты вообще ему это сказала?

Я пожимаю плечами. Рита ждет, хотя я рассчитывала, что она обнимет меня и назовет Дениса дураком. Я снимаю куртку, комкаю на коленях. Признаться подруге страшнее, чем выкрикнуть в порыве глупости мужу.

— Хотела, чтобы он испугался, — признаюсь я. Рита перестает возиться с чашками. — Чтобы приехал за мной и потребовал объяснений. Пусть бы даже наорал, я бы хотя бы знала, что ему не все равно! Понимаешь, до чего я дошла? Я радовалась бы, если бы он приревновал и устроил скандал!

Подруга садится напротив. Я рассказываю ей про платье, но сначала говорю, что мы поссорились из-за ерунды. Рита не верит, просит повторить слова Дениса. Я отказываюсь. Она ждет, и я все-таки произношу про любовь, которую выпрашиваю. Начинаю плакать еще до того, как договариваю, закрываю лицо курткой. Рита забирает ее, обнимает меня, а я повторяю, что он раньше таким не был. Доказываю ей это, захлебываясь, хотя подруга ни разу не возразила.

Я вспоминаю ящик ламп, который Денис принес в мою первую студию. Я пожаловалась на перегоревшую, он не понял, какая нужна, и купил все, что нашел. Мы раскладывали их по полу, я смеялась, а муж сидел среди коробок и ждал, когда я его похвалю. Я тогда сказала, что очень его люблю. Он улыбнулся и ответил, что знает. От этого воспоминания плачу еще сильнее, потому что хочу вернуть мужа, который так смотрел на меня среди никому не нужных ламп.

— Я ведь не прошу его стать другим! — выговариваю я, отстраняясь от Риты. Подруга подает салфетки, и я мну их, так и не вытерев лицо. — Он умеет любить меня. Я знаю, что умеет. Что я сделала, Рит? Почему со мной больше нельзя по-хорошему?

— Спроси его, — отвечает она. В голосе злость, и я впервые вижу, что Рита едва сдерживается. — Только спроси, хочет ли он быть с тобой. А то ты все время спрашиваешь, в чем виновата. Он привык, что ты сама за него придумаешь оправдание.

Я хочу огрызнуться. Рите легко говорить, она не ложится в нашу кровать и не слушает, как Денис смеется над чем-то в телефоне. Поднимаю голову, вижу ее лицо и проглатываю обидную фразу. Она не заслужила моей злости. Вместо этого признаюсь, что Тагир мне нравится. Произношу его имя тише, чем имя мужа, и от этого становится стыдно. Рита спрашивает, был ли поцелуй. Я качаю головой и начинаю оправдываться так подробно, что останавливаюсь сама.

— У меня есть свободная комната, — говорит подруга, когда я умолкаю. Кладет рядом со мной запасной ключ. — Если понадобится, приедешь. Хоть днем, хоть ночью.

Я смотрю на ключ. Мне хочется отодвинуть его, чтобы Рита поняла, что у нас не все настолько плохо. Я не хочу жить у подруги и натыкаться на ее сочувствие каждое утро. Хочу, чтобы Денис пришел за мной, сел на этот стул, обнял меня и сказал, что мы оба погорячились. Забираю ключ, потому что ничего из этого не происходит.

Тагир приезжает в студию для последней короткой съемки. Я встречаю его улыбкой, пока он не спрашивает, как моя нога. Вспоминаю дождь, его руки у меня на талии и отворачиваюсь, чтобы поставить чехол. Он идет следом, останавливается так близко, что я забываю, зачем повернулась к столу. Тагир повторяет вопрос, потому что я так и не ответила. Я торопливо говорю, что все прошло, и замечаю, как он смотрит на мои губы. Приходится напомнить про съемку, чтобы он отошел, а я перестала вспоминать, как цеплялась за его футболку.

На стене висит фотография моей старой преподавательницы с глиняной птицей в руках. Тагир задерживается перед ней, и мне становится легче. Можно говорить о снимке. Птиц пре-

подавательница лепила для учеников, моя до сих пор хранится здесь со сломанным крылом. Я достаю ее из ящика, рассказываю, как уронила и пыталась склеить. Тагир берет фигурку бережно, держит на раскрытой ладони. Я почему-то уверена, что смеяться над ней он не станет, и начинаю рассказывать больше, чем собиралась.

— Хочу снимать людей с вещами, которые им дороги, — объясняю я. Забираю птицу, тру большим пальцем старый след клея. — Уже название придумала. «Оставлено себе». Только пока есть одна преподавательница и куча оправданий, почему я до остальных не добралась.

— У меня стол есть, первый, который сам сделал, — говорит Тагир. Я поднимаю глаза, а он усмехается. — Мать однажды накрыла его скатертью, чтобы я перестал стесняться и наконец пустил в дело. С тех пор он мне дороже всей остальной мебели.

Я смеюсь. Он спрашивает, что смешного, и я отвечаю, что рада за стол. На самом деле радует другое. Тагир не спросил, кому все это нужно и сколько я собираюсь заработать. Он захотел рассказать мне о себе. Мы стоим рядом, я прижимаю птицу к груди, и мне хочется поехать к нему, увидеть этот нелепый стол, сесть напротив. Остаться там, где можно рассказывать о вещах, которые любишь, и не подбирать каждое слово. Я убираю фигурку, пока не выдала это желание.

После съемки Тагир приглашает меня в кино в парке. Старый фильм, пледы на креслах, от студии близко идти. Он проверил, что билеты есть, узнал про сеанс и даже знает, что я люблю сидеть подальше от колонок. Я поворачиваюсь к нему слишком быстро, и он замолкает.

— Денис говорил, у тебя от громкого звука голова болит, — поясняет Тагир, заметив мое удивление. Убирает руки в карманы и криво улыбается. — Я у них спросил, где потише. Там сзади крайний ряд свободен.

Я забываю, что хотела сказать. Мужу я столько раз объясняла, как хочу хоть однажды прийти на свидание, которое придумал он. Доверить ему весь вечер, включая мелочи, которыми обычно занимаюсь сама. Денис отшучивался, что все равно мне не угодит. Сейчас Тагир стоит в моей студии, волнуется и ждет ответа, а я с такой благодарностью смотрю на него, что готова расплакаться. От кино. От места, где будет потише. А ведь мне так мало нужно для счастья.

— Я зову тебя на свидание, Кира, — говорит он. Я опускаю голову, и Тагир делает шаг ко мне. — Не на встречу по поводу работы. Не хочу, чтобы ты приехала и злилась, что я тебя обманул.

Кольцо все еще у меня на пальце. Я кручу его, хотя раньше терпеть не могла эту привычку у других. Тагир следит за моим движением, перестает улыбаться. Я почти говорю, что хочу пойти. Вслух, без оправдания про дружбу, без разрешения мужа. Представляю, как мы сядем рядом и я накроюсь пледом, оставив край для его руки. От этой мысли так хорошо, что я пугаюсь. Если соглашусь сегодня, завтра уже не смогу делать вид, что мы с Денисом пытаемся сохранить семью.

— У меня муж, — произношу я. Тагир хмурится, и я, вместо того чтобы закончить, добавляю то, чего он не спрашивал. — Я еще не поговорила с ним. По-настоящему не поговорила. Все время ссоримся, а самого важного я спросить боюсь.

— Я помню, что ты замужем, — отвечает Тагир. Он произносит это резко, словно злится за напоминание, и я прячу руку с кольцом за спину. — Думаешь, я не пытался оставить тебя в покое? После той поездки проводил тебя до машины и никак не мог уйти. Все ждал, что откроешь окно и позовешь. Ты ведь тоже хотела меня поцеловать, Кира.

Я смотрю на него и не могу соврать. Тагир проводит ладонью по затылку, тихо ругается и делает шаг ко мне. Я не отступаю. Он замечает, как я жду, останавливается, сжимает в руке ключи. Прощается первым, а я едва не зову его обратно. Остаюсь среди собранной техники, хотя давно могла закрыть студию. Еще можно выйти за ним, сказать, что передумала, что хочу в кино. Вместо этого достаю телефон и звоню Денису. Пока идут гудки, смотрю на птицу со

сломанным крылом и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз боялась разговора с мужем сильнее, чем боялась его потерять.

— Приезжай сегодня к ужину, — прошу я. Денис начинает рассказывать про дела, я перебиваю его, хотя это всегда вызывает раздражение. — Мне нужно с тобой поговорить. Если ты еще хочешь жить со мной, приезжай. Пожалуйста.

Он обещает. Я слышу, как серьезно звучит его голос, и опять верю. По дороге домой покупаю то, что он любит, хотя уговариваю себя, что продукты все равно были нужны. Возвращаю его подушку в спальню. Убираю с кресла халат, снимаю серьги, надеваю их снова. Мне надо знать, осталась ли у нас любовь, но я все еще хочу понравиться ему прежде, чем спрошу.

Ужин остывает. Я грею его, накрываю крышкой, заново ставлю тарелки, хотя Дениса нет. Телефон молчит до тех пор, пока я сама не пишу. Муж отвечает, что встреча затянулась, просит не ждать. Я смотрю на это сообщение, вспоминаю, как отказала Тагиру, и звоню. Денис не берет трубку. Когда наконец перезванивает, я слышу женский смех раньше его голоса. Женщина зовет его по имени и просит вернуться.

Глава 4

— Кто это? — спрашиваю я, вцепившись в край стола. Денис отвечает, что они в ресторане, там много людей. Женщина опять смеется, теперь дальше, и муж раздраженно просит меня не молчать. — Я слышала, как она тебя звала. Ты с кем?

Он называет общих знакомых. Среди имен нет ни одного женского, и я цепляюсь за это. Музыка стихает, Денис говорит, что выпил и останется ночевать у приятеля. Я смотрю на две тарелки, на свечку, которую так и не зажгла, чтобы не выглядеть смешной. Ее тоже придется убирать.

— Я могу забрать тебя, — предлагаю я. Он отказывается, а я повторяю, стараясь говорить мягче. — Денис, я приеду. Мы не будем ругаться. Мне надо тебя увидеть, слышишь?

— Не надо меня забирать! — Муж повышает голос, и я отнимаю телефон от уха. Он говорит что-то еще, мне приходится поднести его обратно. — Кира, я взрослый человек. Ложись спать. Утром поговорим, сейчас ты все равно ничего не услышишь.

Вызов обрывается. Я перезваниваю, хотя уже поняла, что он не ответит. Сижу со звонящим телефоном и пытаюсь остановиться, но успеваю набрать второй раз. На третий бросаю его на стол. Тарелку с ужином переворачиваю в раковину, слишком резко, соус пачкает мне рукав. Я смотрю, как еда сползает к сливу, и плачу. Все утешения, которые придумывала себе, заканчиваются здесь. Мне плохо, я прошу мужа приехать, а он не хочет даже поговорить со мной по телефону.

В спальне лежит его подушка. Я хватаю ее, несу в гостиную, как в прошлый раз, и останавливаюсь. Все еще устраиваю ему место. Даже сейчас переживаю, на чем он будет спать, когда вернется. Я швыряю подушку на пол. Рядом оказывается запасное одеяло, следом летит его футболка с кресла. На футболке я останавливаюсь, потому что тянусь поднять ее и прижать к лицу. Сажусь на кровать, засовываю руки между колен и сижу так, пока не перестаю рыдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.